

Часть первая «ЗАКАЗ» НЕ ПО ПОНЯТИЯМ

Глава 1 Убийства в дождь

2016 год, г. Тиходонск

Ровно в полдень неброская серая «КИА» была на месте — в тихом переулке за старым кладбищем: люди Авила всегда работали четко. Бесчинствующий всю ночь ливень, очевидно, израсходовал запасы воды и превратился в лениво морозящий мелкий дождик. Было пасмурно и сыро. Гаврош, накинув на голову капюшон синей куртки из плащёвки, как обычно, несколько раз прошел мимо, осмотрел окрестности и, не заметив ничего подозрительного, надел латексные перчатки, и сел в машину. Конверт, как всегда, был приклеен скотчем под водительским сиденьем. И содержимое как всегда: двадцать тысяч долларов — половина суммы заказа, и фото объекта с надписью на обороте.

Словом, все шло, как обычно, но только на первый взгляд. Потому, что на фото был Шершень, собственной персоной, а на обороте адрес и время: Восточное шоссе, 2; 15—00. Именно в это время, и по этому адресу, известный в городе человек — депутат, а по совместительству бизнесмен и меценат, господин Шевляков должен открывать новый культурно-досуговый центр — газеты, телевидение и интернет подавали этот, в общем-то, будничный факт, как главную новость века.

Поэтому видимость обыденности оказалась обманчивой — за ней крылось нечто очень необычное и стрёмное: когда заказ делается на столь крупную фигуру,

исполнителя привлекают из другого региона, всегда предупреждают заранее о важности «объекта», и цену назначают в два раза больше... В данном случае, все три правила были нарушены, а значит, обесценивалась не только сложная работа, но и жизнь исполнителя!

Внешне оставшись невозмутимым, Гаврош достал разовый телефон и нажал кнопку с цифрой «1» на которую был заведен быстрый набор разового номера Авила. Новые аппараты и сим-карты приобретались для каждого заказа, а когда дело было сделано — уничтожались.

— Слушаю! — Авил взял трубку после второго гудка. Значит, в напряжении ждет результата сегодняшней акции. Еще бы! При таком раскладе на кону не просто большие деньги — на кону его собственная жизнь! Ошибка исполнителя, случайность, или банальное невезение, позволяющие установить заказчика — и шевляковцы включают «ответку». Тогда уже их исполнители выйдут на самого Авила... Но голос у него, как всегда, был спокойным.

— Деньги нашел? — поинтересовался он. — Все нормально?

— Нашел, — тоже спокойно сказал Гаврош. — Но все остальное не нормально. Ты ничего не перепутал? Или меня за лоха держишь?

— Погодь, не гони волну! Ты что, первый раз в деле?

— Не первый. Но дело-то, оказывается, не рядовое! Это не обычный заказ!

— И что?! — голос Авила стал ледяным. — Ты соскочить хочешь?!

Гаврош на миг задумался.

«Заказ взял — заказ выполни!» — это незыблемое правило его профессии. Задний ход включать нельзя — автоматически становишься лишним звеном, ненужным свидетелем. Со всеми вытекающими последствиями...

— Слушай, Авил, я никогда не соскакиваю, и ты это знаешь! Но тут совсем другие правила. И гонорар другой!

— Подумаешь! — Гаврошу показалось, что собеседник с облегчением перевел дух. — Вышла небольшая накладочка, мы ее поправим, без проблем. Умножай все на два! Так нормально?

— Нормально, — проворчал Гаврош. — Только эти вопросы заранее решать нужно...

— Ладно, будем решать заранее! — покладисто согласился босс. — А сегодня — все исправим: после дела отзвонишься, и договоримся!

Гаврош отбил вызов. В душе шевелился червячок тревоги. Представилась мерзкая рожа Авила с отвратительной ухмылкой. Он не такой покладистый парень, как может показаться. И ничего не делает просто так. И «накладочек» у него не бывает. И он никогда не платит больше, чем собирался. А тут легко согласился. И голос был какой-то фальшивый — так говорят с уже списанным материалом...

Гаврош прослушал запись их разговора — программу «Call Recorder» он предусмотрительно скачивал в каждый рабочий телефон. Да, так и есть. По голосу и манерам говорил Авил, а по тону и смыслу — кто-то другой...

«Может, задумал меня самого грохнуть?» — размышлял Гаврош. — Такой вариант все объясняет... Ну, ладно, все равно надо ехать»!

Он включил двигатель и медленно, стараясь не сползти в промоину на дороге, частично засыпанную строительным мусором, проехал до конца кладбищенской ограды, свернул направо, потом налево, потом снова направо и поехал по неширокой улице между частными домами старой постройки и кирпичными трех-пятиэтажками. Приходилось то и дело объезжать открытые канализационные колодцы — все люки в округе давно были сданы в металлолом. Так он тихо

прокрался несколько кварталов, потом выехал на проспект Фадеева и набрал скорость.

Через несколько минут он проскочил поворот в аэропорт, и вскоре выехал к началу Восточного шоссе. По круговой развязке свернул налево и вскоре проехал мимо нового трехэтажного здания. Слева и справа от входа тянулись вертикальные композиции из надувных шаров цветов российского триколора.

Под окнами второго этажа натянута плакат, похожий на советский транспарант, с надписью белой краской на красном холсте: «Баня очищает не только тело, но и душу».

Гаврош усмехнулся. Здесь будет культурно-досуговый центр: ресторан, номера, боулинг, два бара, банный комплекс: русская баня, сауна... Все культурные мероприятия получают круглосуточную поддержку симпатичными девицами на любой вкус — штаты уже укомплектованы. Но в рекламе сделан акцент на помывочных функциях нового комплекса, и даже в день открытия обещано бесплатное оказание банных услуг! Это, несомненно, привлечет обитателей Аэропортовского поселка, в котором с горячей водой постоянные проблемы, — вот и готовая толпа благодарных жителей, — еще один камень в фундамент образа Шевлякова, как бескорыстного мецената, заботящегося не только о теле своих будущих избирателей, но и об их душах! До торжественного открытия еще больше двух часов, но возле КДЦ уже толкуются под зонтиками несколько старичков с замызганными сумками и узелками неопределенного цвета. Эти святые люди не знают про азартные игры и девочек — они пришли в баню...

Молодец Шевляков! И ни одного рубля не затратил! Надо бы навесить ему погремуху Мойдодыр: безобидная, добрая и с веселым подтекстом... Правда, у него уже есть жужжащее и кусачее погоняло, но оно может компрометировать народного депутата... Впрочем, де-

путатство он покинет, и прикрепившаяся с девяностых кликуха его не скомпрометирует, и открытие КДЦ ему не поможет, потому что мимо нового здания уже проехал неприметный парень с героическим прозвищем Гаврош. И не просто проехал, а срисовал все, что ему было надо: на новостройке видеокамер нет, напротив — распланированная грейдером и успевшая порастить бурьяном площадка на месте будущего рынка. Вряд ли там есть видеокамеры... Милицейских постов тоже нет — добрейший Шершень любит изображать человека из народа, который сливается с массами, а не отгораживается от них. По этой же причине не должно быть и личной охраны. Тем более, что у Шершня не имелось опасений за свою жизнь. Вернее, он думал, что у него нет таких опасений.

Хотя неприметный угрюмый чувак на неприметной машине это заблуждение опровергал самым фактом своего нахождения вблизи КДЦ. Правда, распознать его не могли: Гаврош был невидимкой, даже прозвище это знали немногие! Те, кто проникал в тайны его ремесла, рассказать об этом уже не имели возможности, а те, кто наводил его на цель, жили по закону омерта итальянской мафии, хотя сами об этом не подозревали. Впрочем, хотя законы у мафиози разных стран называются по-разному, смысл у них один: «Длинный язык отрезают вместе с головой»!

«КИА» несколько раз объехала окрестности — сплошные лесополосы и пустыри, потом постояла в роще, где Гаврош подготовился к акции. Привинтил глушитель к своему «ТТ», отбросил капюшон, в котором работать из салона было неудобно, надел черную шапку-маску, посмотрел на себя в зеркало — какой-то мрачный тип в неуместном летом берете с валиком вокруг головы... Раскатал валик на лицо, проверил, чтобы прорези для глаз и рта оказались там, где надо. Теперь он стал похож то ли на бандита, то ли на спецназовца, —

и те и другие работают в таком виде... Хотя неважно, на кого он похож — важно, что пока рано — он снова закатал балаклаву.

Немного беспокоила погода: если опять хлынет ливень, то церемонию могут перенести в вестибюль... Но удача всегда была на стороне Гавроша: тучи расходились и редкие капли уже не закрывали обзор через лобовое стекло...

Время тянулось медленно, но Гаврош привык ждать. Сердце билось, как всегда ровно и размеренно. В 14—55 он занял исходную позицию в ста метрах от культурно-развлекательного центра. Дождь прекратился, сквозь промоину в тучах выглянуло солнышко. Ровно в пятнадцать ноль-ноль церемония началась. Судя по скучившимся у здания репортёрам с видеокамерами, микрофонами и фотоаппаратами, Шевляков как раз держал речь перед заметно увеличившейся толпой пожилых людей, собранных за обещание бесплатной помывки. Гаврош подъехал поближе, и стал в хвост автомобилей, которые привезли участников. Достал из внутреннего кармана компактный монокуляр «Штурман» восьмикратного увеличения, прильнул к нему, отрегулировал резкость и осмотрел «президиум».

Высокая площадка перед входом служила импровизированной трибуной, на которой рядом с оратором стояли представители районной власти и другие официальные чины. Они разительно отличались внешним видом от людей, которые внимательно слушали внизу. Отличия были не только в одежде. Сам Шевляков — грузный, с изрядным брюшком, стараясь казаться своим парнем — выходцем из народа, надел под дорогой серый костюм гавайскую сорочку с расстегнутым воротом и тоже выделялся среди строгих галстучных пар соседей. Но от этого не переставал быть своим: важные и значительные лица, осанки и манеры у хозяев жизни были одинаковыми, и этим они отличались от

унылого электората куда больше, чем одеждой... Хотя Шершня многие не любили и прозвище ему дали неспроста: слишком часто он больно жалил любого, кто ему мешал, не разбирая друзей и врагов. Впрочем, друзей у него было немного.

После недолгого митинга, рассчитанного, в основном на то, чтобы репортёры успели запечатлеть торжественность момента, Шевляков перерезал алюю ленту на входе, и ряды присутствующих стали быстро редеть. Почетные гости разъехались по другим запланированным мероприятиям, изображавшая благодарных жителей толпа жаждущих помывки, ринулась внутрь здания, репортёры принялись спешно грузить в микроавтобусы свои фото- и видеокамеры, штативы, аккумуляторы и прочую аппаратуру... Вскоре площадка перед КДЦ практически опустела. Лишь сам Шевляков неохотно отвечал на вопросы подловившей его настырной старушки, и нетерпеливо озирался в ожидании, пока его водитель-охранник подгонит чёрный «Мерседес», стоящий метрах в тридцати. Можно было подъехать прямо сейчас, но старушка вполне могла испортить все дело, поэтому Гаврош не спешил. Он раскатал надетую на голову балаклаву, достал из перчаточного ящика, который российские водители почему-то называют «бардачком», свой потертый инструмент, взвел курок, и приспустил передние стекла.

Наконец, машину подали, Шевляков с трудом погрузился на переднее, отодвинутое почти до конца сиденье, и «Мерседес» тронулся в сторону поворота к городу. Гаврош включил двигатель и быстро набрал скорость, сокращая дистанцию. Минутная стрелка жизни «объекта» пошла на последний круг... Догонит ли Гаврош его на дороге, поравняется ли на светофоре, перехватит ли при выходе из машины, — неважно! Как самонаводящаяся торпеда, он захватил цель, и у нее не было ни единого шанса...

До поворота в сторону города оставалось около сотни метров. «Мерс» шел по середине дороги, и Гаврош стал обходить его справа. Конечно, обходить слева и стрелять вправо удобней, но тогда расстояние больше, к тому же, на линии огня оказывается водила... Понятно, что его жизнь ничего не стоит — профессионалы цинично замечают: «В земле всем места хватит», — но он закрывает цель и может испортить выстрел! Впрочем, для Гавроша, который одинаково стрелял с двух рук, подобные трудности не имели значения.

Когда машины поравнялись, Гаврош оказался в метре от цели. Сквозь тонировку было видно, как недовольный Шевляков, развалившись, что-то раздраженно выговаривал водителю. Гаврош выставил левую руку в окно, так что срез глушителя оказался почти у стекла «Мерса».

— Чек! — тихо шелкнул выстрел, лязг затвора оказался даже громче, но звуки растворились в шуме двигателей и гуле приближающегося шоссе, как будто их и не было. Но они были: в затемненном стекле и в затылке Шевлякова образовались соосные отверстия, голова «объекта» с силой мотнулась влево, ступки серого вещества вперемешку с кровью брызнули на водителя. Тот каким-то чудом, в последний момент успел наклониться к рулю, а может, сделал это не специально — просто так совпало, но как бы то ни было, а пуля его не задела.

Инстинктивно, шофер резко нажал на тормоз, «Мерс» провалился назад, а «КИА», поскрипывая дешёвым пластиком салона на «волнах» размягчившегося за лето асфальта, уже неслась во весь опор, выжимая из двигателя последние лошадиные силы. Снова пошел дождь — мелкий и противный.

«Баня очищает не только тело, но и душу», — почему-то, некстати вспомнил Гаврош. А может, как раз кстати. В конце концов, он работал чисто: «исполнил»

одного Шершня. И не то, что сочувствовал водителю, но был рад, что не выполнил лишнюю работу: ведь ему платили только за «объект». А работать бесплатно он не любил. К тому же, когда слынешь «чистоделом», надо поддерживать репутацию: ювелирная работа всегда оплачивается выше, чем кровавая бойня, устроенная каким-нибудь дебильным «мясником»...

Он привычно глянул в зеркальце: «Мерседес» наполовину выскочил на обочину и стоял, упершись в дерево и перекрывая багажником правую полосу движения. Из-под приоткрывшегося капота шел пар — больше никаких признаков жизни там не наблюдалось. Как, впрочем, и никаких признаков смерти — обычная авария...

Не сбавляя скорости, «КИА» вписалась в поворот, закрипели шины, возмущенно рявкнули клаксоны подрезанных машин. Но Гаврош не обратил на это внимание, а оскорбленные водилы, на свое счастье, не стали пытаться проучить нарушителя.

Гаврош сорвал балаклаву, сунул во внутренний карман куртки, бросил пистолет в «бардачок», достал телефон, нажал цифру «1».

На этот раз Авил схватил трубку сразу, не успев полностью закончиться первый гудок.

— Говори! — рявкнул он.

— Посылка отправлена, — меланхолично сказал Гаврош. — Слово за тобой!

— Отлично! — голос изменился: тревожная напряженность исчезла и, Гаврош был уверен, что Авил расслабился, облегченно откинулся на мягкую спинку кресла, и на его физиономии появилась та самая мерзкая улыбка. — В девять на пирсе грузового причала рыбзавода, Моня принесет деньги... А завтра я накрою тебе богатую поляну!

Гаврош отключился. Он знал, что все переговоры в районе ликвидации будут зафиксированы и попадут в список для отработки. И хотя меры предосторожно-

сти приняты, в этот список лучше не попадать... Надо, как можно быстрее, рубить хвосты! И в первую очередь, избавиться от «паленой» тачилы! Поэтому он не поехал по путепроводу в город: ушел вправо, развернулся под мостом и вновь вырвался на ту же трассу, только теперь ехал в обратную сторону, как несколько часов назад, когда направлялся к КДЦ. Однако, на этот раз не проехал поворот к аэропорту, а свернул на него.

Прямая длинная дорога упиралась в здание аэровокзала, но чтобы въехать на площадь, надо было преодолеть шлагбаумы и парковочные автоматы перед ней. Однако, многие бережливые граждане предпочитали не заезжать на платную парковку и, не взирая на запрещающие знаки, оставляли машины прямо здесь, прижавшись к обочине, и надеясь на всегда выручающий «авось»... Так же решил поступить и Гаврош. Он пристроился в хвост длинной очереди нарушителей правил дорожного движения которая, очевидно, выстроилась за штрафами, если спасительный «авось» вдруг не работает.

С облегчением выключив двигатель, он уже хотел перевести дух, но тут сзади появился бело-синий полицейский «Форд» с включенной «люстрой».

— Водитель «КИА» госномер «652» прошу выйти из машины и приготовить документы, — железным голосом объявил динамик.

«Что-то очень быстро», — Гаврош набрал полную грудь воздуха, и потянулся к «бардачку»: на такой случай у него имелся только один, но многократно использованный и безотказный документ.

Однако, «Форд» проехал мимо и остановился метрах в пятидесяти впереди, возле красной «КИА», из которой суетливо вылез толстячок с портмоне в руке. Его круглое, добродушное лицо, выражало искреннюю надежду на то, что происходит какое-то недоразумение.

Гаврош выдохнул, спокойно вышел из машины, скинул капюшон от сеющего дождика, и неспешно

направился через дорогу, где находились гостиница, кафе «Полет», большая парковка и стоянка такси. Не оглядываясь, и не ускоряя шага, он прошел мимо кафе и смешался с разношерстной толпой. Стараясь не привлекать внимания, снял перчатки и бросил в урну. Потом подошел к таксистам и договорился ехать в центр. Сидя на заднем сиденье, он разорвал на мелкие кусочки фотографию Шевлякова и выбросил в окно, ветер разнес обрывки по шоссе и прилегающей лесополосе. Водитель покосился, но ничего не сказал. Через двадцать минут Гаврош вышел на Музыкальной площади и зашел в продуктовый магазин.

* * *

Валера Солодов имел погоняло «Перевозчик». Не потому, что походил на брутального Джеймса Стейтема из одноименного фильма, а потому, что лихо гонял на машинах разных марок и даже, случалось, уходил от полицейской погони. Делал он это вынужденно, и не по причине перевозки каких-то важных и нелегальных грузов, а по более банальной — дело в том, что он работал угонщиком. Хотя в узких кругах был известен, как парень резкий, который может начистить рыло не хуже киношного перевозчика. И Сёмка Толстый рассказывал об этом часто и с удовольствием. Он и придумал ему прозвище.

Обычно, Валера работал «под заказ», угоняя дорогие иномарки определенной модели, а иногда и цвета. В силу ряда субъективных и объективных причин, состояния это ему не принесло. Недаром в свое время ходила в народе поговорка: «Из краденой крупы вкусной каши не сварить!» Да и сами карманники с этим соглашались: «Как ни «втыкаешь» — богачом не станешь!» А моралисты всех мастей, с косящими от постоянного вранья глазами, рассматривают вопрос шире: «Неправ-

дой нажитое впрок не пойдёт!» Хотя эти поговорки во многом устарели — идет, идет впрок, еще как идет! Варят вкусную кашу с соловьиными язычками в украшенных бриллиантами котелках, да еще обжираются ею в хоромах, превосходящих дворцы шейхов некоторых бедных эмиратов... Правда, делают это отнюдь не карманники, не угонщики, и даже не белая кость уголовного мира, как бывлые марвихеры, работавшие в железнодорожных вагонах первого класса, и резко выделяющиеся среди обычных щипачей, фармазонов, ширмачей и прочей шелупени, которой доходов хватало только на безыскусные пьяные загулы. Нет, варят вкусную кашу из ворованной крупы люди иного сословия, занимающие солидные должности, официально честные, вполне себе образованные, знающие мудрый постулат Фрэнсиса Бэкона «Возможность украсть создает вора»... И они рады следовать мудрости великого философа, которая вроде бы и определила направление жизненного пути вопреки их собственной воле... На них и ориентировался Перевозчик, надеясь, что вот-вот, наконец, ему повезет. И сюда он пришел на встречу с очередным заказчиком.

В кафе «Полёт» близ аэропорта, и клиенты были под стать названию — в основном залётные: спешащие к началу регистрации и ожидающие пересадки на другой рейс пассажиры, пилоты, решившие немного прогуляться от расположенной по соседству гостиницы, коротающие время при задержке рейса встречающие, а иногда и прилетевшие, которым не терпелось снять поскорее стресс от аэрофобии добрым стаканом коньяка или водки. Постоянными клиентами здесь можно было назвать лишь нескольких таксистов — «бомбил». Глядя на них, Валера вспоминал свою молодость, когда и он бомбил, только на вокзале.

Короче, место для «тёрок» было подходящим — большие потоки людей постоянно обновлялись, никто ни на

кого не обращал внимания. Встретились, побазарили, разбежались. Летняя веранда «Полёта» даже в самые жаркие дни находилась в тени дубов и сосен небольшого парка, поглощающего вредные выхлопы самолетных двигателей. Сейчас было прохладно, и поутихший, было, дождь лениво стучал по туго натянутому тенту.

Валера уже провел встречу, они перетёрли свою тему, клиент оставил аванс и растворился в людской толчее. Ему была нужна «Тойота Камри» — заказ простой, и исполнить его можно быстро. Правда, заработок не очень большой, но сейчас придется кстати: работы почти нет... Валера любил это место, поэтому уходить не спешил — заказал сто пятьдесят граммов коньяку и, сидя в одиночестве, под убаюкивающий стук дождевых капель, неспешно прихлебывал обжигающую жидкость, которая расслабляла нервы и приводила душу в умиротворенное состояние. По привычке осматривался, хотя окрестности были ему хорошо знакомы.

Напротив кафе — дорога от проспекта Фадеева к аэропорту, на которой обычно народ оставляет машины, чтобы не платить за парковку. Не склонные к публичности люди могли приехать, провести встречу и тут же уехать. Могли, даже, прилететь и улететь. Ещё одним плюсом при выборе места для таких встреч было отсутствие видеокамер. Их не было ни внутри, ни снаружи. Точнее, были, но не работали.

Как-то, после особо крупной драки между аэропортовскими бомбилами, и городскими таксистами, в кафе заявили полицейские — изъяли видеозаписи, составили протоколы, нагнали холоду: «Массовые беспорядки устраиваете?! Это уже политика! Хотите, чтобы мы всех позакрывали?» Правда, вмешались «крыши» враждующих сторон — пришли к компромиссу, заставили возместить ущерб пострадавшим, уладили вопрос с ментами, потом пришли к хозяину «Полета» и предьяву выкатили: «Ты в ментовке работаешь? Так повесь

вывеску, чтобы общество знало!» И все камеры неожиданно сломались...

Допив коньяк, Валера вышел из-под тента, не обращая внимания на дождь перешел дорогу, и пошел мимо длинного ряда стоящих вдоль обочины тачил. Впереди двое полицейских проверили документы у какого-то толстячка, небрежно козырнули, уселись в свой «Форд» и, лихо развернувшись через сплошную линию, умчались на большой скорости. Вот из-за таких случайностей, Валера предпочитал не светить свою машину при поездках на деловые встречи. Сейчас обрадованный благополучным исходом толстячок за пару сотен подкинет его в центр — и все дела!

Проходя мимо серой «КИА», востроглазый Валера заметил, что водительская дверь закрыта неплотно. Он присмотрелся: кнопки блокировки подняты! Обошел кругом, заглянул внутрь — ключи в замке. Ловушка? Валера осмотрелся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. В полусотне метров, ближе к шлагбауму, стояли два такси, рядом с ними беспечно болтали водители, ожидая поступления заказа. Больше никого, даже машины перехвата не выставлены. Значит, это не постановка. Похоже, какой-то лошара просто ушел, бросив незапертую машину без присмотра... Ну, что ж, и такое случается в этой жизни... Значит, лоху тачка не нужна...

Он обошел «КИА» еще раз, внимательно осматривая лак кузова, резину, стекла... Тачила выглядела вполне прилично. Конечно, это не уровень профессионала, но раз она сама идет в руки, то не воспользоваться этим было бы совсем глупо!

«Лучше сделать и жалеть, чем жалеть не сделав!» — пришла в голову излюбленная блатными поговорка. Но он уже и так принял решение.

Спокойно открыл дверцу, по-хозяйски сел за руль, и тронулся с места. Действовал он машинально, как че-

ловец, мимоходом поднявший с земли ничейный кошелек. Только сейчас вспомнил, что выпил спиртного. Ну, да ладно, — нарушать, так нарушать! Пересекать сплошную линию он, впрочем, не стал: аккуратно доехал до разворота, и помчался в сторону города. Никто не обратил на него никакого внимания.

* * *

В магазине народу было немного. Гаврош, купил курицу-гриль, мясной и рыбной нарезки, несколько банок консервов, копченого сала, полусухой колбасы, хлеба и томатного сока, украсил продуктовый набор бутылкой «Царской» водки. Уже расплачиваясь, вдруг ощутил, что у него чего-то не хватает. Похлопал по карманам. Точно — нет телефона!

Пистолет он специально оставил в машине: «пушка» добросовестно отработала свой срок, тем более, выходить с ней на глазах у полицейских было рискованно... К тому же, оружие не имело с ним прямой связи, и не могло к нему привести. А вот телефон он собирался утопить в Дону. Ведь это *рабочий* телефон, по нему можно отследить его передвижения, разговоры, установить местонахождение абонентов... Точнее, одного абонента — Авила... Но этого вполне достаточно! Да, телефон — это серьезно... И надо его достать! Хотя возвращаться к машине — это жесткий стрём! Но делать нечего! Надо хотя бы попытаться...

Гаврош подошел к краю тротуара, поднял руку и почти сразу остановил синюю Ладу Калину.

— В аэропорт сгоняем? Плачу, сколько скажешь!

Молодой, но рано начавший лысеть водитель, в красной майке с непонятной иностранной надписью на груди, кивнул.

— И миллион заплатишь? — улыбаясь, спросил он.